
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-IX

Посвящается 130-летию со дня рождения С. А. Козина

Составитель И. В. Кульганек

St. Petersburg
2010

УДК 951.93
ББК ТЗ(5Мо)

Издано на средства Института восточных рукописей РАН

Редакционная коллегия: доктор филол. наук *И. В. Кульганек* (председатель), доктор филол. наук *Л. Г. Скородумова*,
канд. филол. наук *Н. С. Яхонтова*

Рецензенты: канд. филол. наук *М. П. Петрова*, доктор филол. наук *С. Л. Невелева*

Edited by: *D. S. (Philology) I. V. Kulganek, D. S. (Philology) L. G. Skorodumova, Ph. D. N. S. Yakhontova*

Peer-reviewed by: *Ph. D. M. Petrova, D. S. (Philology) S. Neveleva*

Монголика-IX: Сб. ст. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. — 176 с.

Девятый выпуск сборника имеет разделы: «Историография, источниковедение и история науки», «Филология, литературоведение, фольклористика, текстология», «Научная жизнь», «Рецензии, письма в редакцию», «Наши переводы». Статьи написаны авторитетными учеными-монголоведами и молодыми российскими и зарубежными специалистами. Актуальность сборника подчеркивают очерки о последних монголоведных событиях, рецензии на новые книги. Статьи написаны в русле основных научных приоритетов и с позиций современного монголоведения, для которого историко-культурные проблемы монгоязычных народов весьма существенны, несут важную общественную нагрузку и имеют как чисто научное, так и общеполитическое практическое значение.

Материалы сборника рассчитаны на специалистов-монголоведов, историков, культурологов и всех, кто интересуется историей монгольских народов и Центральной Азии.

The ninth issue of «Mongolica» has the following parts: «Historiography and Textology», «Literature, Folklore, Linguistics», «Reviews. Letters to the editors», «Scholarly events», and «Our translations». The articles are written both by competent and young Russian and foreign scholars in the field of Mongolian studies. The essays of the latest scholarly events, reviews of new books make the issue topical. The articles are written in the mainstream of the modern scientific priorities and from the positions of the modern state of Mongolian studies, where historical and cultural problems of Mongolian speaking peoples are very important. They play a significant part in the society and have general historical significance.

The issue should be of interest to Mongolists specialising in philology, history, culture, and Orientalists interested in the history of the Mongolian peoples and Central Asia.

Корректор и редактор — *Т. Г. Бугакова*

Технический редактор — *Т. В. Чудинова*

Макет подготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»

Подписано в печать 01.02.2011. Формат 60×90 1/8. Гарнитура основного текста «Таймс»

Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 22 п. л. Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП «Типография „Наука“»

199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издательства.

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval systems or transmitted in any form or by any means: electronic, magnetic tape, mechanical, photocopying, recording or otherwise without permission in writing form of the publishing house.

ISBN 978-5-85803-434-6

© Петербургское Востоковедение, 2010

© Институт восточных рукописей РАН

Содержание

Предисловие	5
И. В. Кульганек. С. А. Козин: неизвестные страницы биографии и научного творчества	7
С. А. Козин. Беседа мальчика-сироты с орлёками Чингис-хана (Подг. к изданию Т. Ю. Евдокимовой)	14
М. В. Мандрик, И. М. Захарова. К истории назначения на должность советника: С. А. Козин на пути в Монголию	17
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ	
Т. Д. Скрынникова. Значение термина <i>ulus</i> в « <i>Erdeni-yin tobči</i> » Санан-Сэцэна	25
Е. В. Бойкова. «Монгольские экспедиции» А. Белинского (1907—1912): миф и реальность	30
Р. Ю. Почекаев. К вопросу о рецепции иностранного права в Монгольской империи и государствах чингисидов XIII—XV вв.	33
М. М. Содномпилова. Окружающая природа в традиционном мировоззрении монгольских народов: растительность в представлениях, верованиях и запретах	39
Д. А. Николаева. Материнство в традиционной культуре бурят	43
Дин Шучинь. Проблема <i>туцзу</i> в китайском монголоведении	51
Ж. Сабитов. «Муизз ал Ансаб» как источник по истории Монгольской империи	55
А. А. Сизова. Монгольский перевод ламрима Гампопы	63
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИНГВИСТИКА	
З. К. Касьяненко. Колофоны оригинальных сочинений — источник информации о формировании письменной культуры народов Центральной Азии	67
Б. С. Дугаров. Концепт тэнгристской мифологии в контексте бурятской Гэсэриады	69
Л. С. Дампилова. «Поэзия эмоционально уплотненного тона» Б. Галсансуха	73
Саймон Уикем-Смит. Шепот внутри: поэзия Бекзина Явухулана (Пер. с англ. А. В. Зорина).	78
Д. А. Носов. Монгольская народная кумулятивная сказка	84
А. Алима. Особенности распространения монгольской протяжной песни	90
Т. Г. Басангова. Демонологические персонажи в фольклоре калмыков	95
Е. В. Сундуева. Вербализация зрительного восприятия световых явлений в монгольских языках (на материале корней с согласным <i>r</i>)	99
Т. Б. Тагарова. Адгерентная выразительность фразеологических единиц в драматургии Д. Батожабая как стилистический прием	103
И. В. Герасимов. Образ верблюда в монгольской и арабской литературных традициях	109
Ю. И. Елихина. Монгольские коллекции Государственного Эрмитажа	117
РЕЦЕНЗИИ. ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ	
Майкл Хини. <i>Тьяллинг Халбертсма.</i> Охотники на йети: тайные исследования диких людей из Центральной Азии (Пер. с англ. Н. С. Яхонтовой)	123
К. Н. Яцковская. Письмо в редакцию сборника « <i>Mongolica</i> »	125
К. Н. Яцковская. Наш учитель Эдуард Макарович Мурзаев (1908—1998).	127
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
Л. Халоупкова. Тридцатилетие Рабтен-центра в Швейцарии	136
Конференции, новые книги по монголоведению в 2010 году	138
НАШИ ПЕРЕВОДЫ	
Д. Бодо. Коралловые четки. Поучительный рассказ о воздаянии за мирские деяния (Пер. с монг. Л. Скородумовой)	148
Г. Аюурзана. Письмо бабушке (Пер. с монг. Е. Чернышевой)	163
Г. Аюурзана. Прилагательные времени (Пер. с монг. Д. Водяницкой, Е. Чернышевой)	166
Д. Батбаяр. Любовь (Пер. с монг. Н. Чернухи)	168
Д. Батбаяр. Слово (Пер. с монг. О. Сапожниковой)	169
Д. Батбаяр. Человек (Пер. с монг. О. Сапожниковой)	169
Д. Нацагдорж. Мрачные скалы (Пер. с монг. О. Сапожниковой)	170

Contents

Preface	5
I. V. Kulganek. S. A. Kozin: some unknown biography and scolarly data	7
S. A. Kozin. A talk between nine Chinggis Khan's orloks and a wise orphan-boy (Prep. by T. Yu. Evdokimova)	14
M. V. Mandric, A. I. Zakharova. S. A. Kozin's appointment as a counsellor: S. A. Kozin on his way to Mongolia	17
HISTORIOGRAPHY, TEXTOLOGY	
T. D. Skrynnikova. The meaning of the term <i>ulus</i> in «Erdeni-yin tobči» by Sanan Secen	25
E. V. Boikova. The A. Belinskii's expeditions to Mongolia (1907—1912): myth and reality	30
R. Yu. Pochekeyev. On the problem of reception of the foreign law in the Mongolian Empire and Chinggiside States in XIII—XV centuries	33
M. M. Sodnompilova. The surrounding nature in the traditional world-view of the Mongolian peoples: vegetation in views, beliefs and taboos	39
D. A. Nikolayeva. Motherhood in the traditional Buriat culture	43
Ding Shuqin. The problem <i>Tutsu</i> in the Mongolian studies in China	51
Zh. Sabitov. «Muizz al-Ansab» as a source on the history of the Mongolian Empire	55
A. A. Sizova. A Mongolian translation of the lamrim by Gampopa	63
LITERATURE, FOLKLORE, LINGUISTICS	
Z. K. Kasyanenko. The colophones of original texts — a source of information about the formation of written culture in Central Asia	67
B. S. Dugarov. Tengrist mythological concept in the context of the Buriat epic «Geser»	69
L. S. Dampilova. «The poetry of emotionally pressed tone» by B. Galsansukh	73
S. Wickham-Smith. A whisper of something more: the poetry by Begziin Yavuuhulan (Transl. from English by A. Zorin)	78
D. A. Nosov. The Mongolian folk cumulative-type tale	84
A. Alima. The distribution features of Mongolian «long» songs	90
T. G. Basangova. Demonological characters in the Kalmyk folklore	95
E. V. Sunduyeva. The verbalisation of visualization of light phenomena by native speakers in the Mongolian languages (on roots with a consonant <i>r</i>)	99
T. B. Tagarova. The adherent expressivity of phraseal units in plays by a Buriat playwright D. Batozhabay as a stylistic device	103
I. V. Gerasimov. The camel image in Mongolian and Arabic literary tradition	109
Yu. I. Elikhina. The Mongolian collections in the State Hermitage Museum	117
REVIEWS. LETTERS TO THE EDITORS	
Michael Heaney. <i>Tjalling Halbertsma.</i> Yeti Jagers: Het Geheime Onderzoek naar de Wilde Mens van Centraal-Azië (Transl. from English by N. S. Yakhontova)	123
K. N. Yatskovskaya. A letter to the editors	125
K. N. Yatskovskaya. Our tutor Eduard Makarovich Murzayev (1908—1998)	127
SCHOLARLY EVENTS	
L. Holoupkova. The celebration of the 30th anniversary of the Rabten center in Switzzeland	136
Conferences, new books on Mongolian studies published in 2010	138
OUR TRANSLATIONS	
D. Bodo. Corall rosary. A didactic story about a requital for mundane deeds (Transl. from Mongolian by L. G. Skorodumova)	148
G. Ayurzana. A letter to my granny (Transl. from Mongolian by E. Chernyshova)	163
G. Ayurzana. Adjectives of time (Transl. from Mongolian by L. G. Skorodumova)	166
D. Batbayar. Love (Transl. from Mongolian by N. Chernukha)	168
D. Batbayar. A word (Transl. from Mongolian by O. Sapozhnikova)	169
D. Batbayar. A man (Transl. from Mongolian by O. Sapozhnikova)	169
D. Natsagdordzh. Gloomy rocks (Transl. from Mongolian by O. Sapozhnikova)	170

Д. А. Носов

Монгольская народная кумулятивная сказка

Автор рассказывает об истории изучения кумулятивной сказки в Европе и впервые анализирует особенности композиции и структуры монгольской кумулятивной сказки. Кумуляция названа одним из элементов сюжета сказки.

Ключевые слова: монгольская народная сказка, кумуляция, фольклор, структура, композиция, персонаж, сюжет.

Изучение народной сказки длится уже более ста лет. Значительный вклад в него был внесен представителями русской науки о фольклоре. Главной заслугой отечественных исследователей устного народного творчества был и остается структурно-типологический метод изучения фольклорных повествований. Его основы, заложенные А. Н. Веселовским в конце XIX столетия по отношению ко всему фольклору, были развиты на материале народной сказки А. И. Никифоровым, Р. М. Волковым в начале XX в. и продолжены В. П. Аникиным, Н. М. Ведерниковой, В. М. Жирмунским и многими другими.

Первым, кому удалось четко сформулировать одну из схем повествования — так называемую «волшебную» сказку, стал ленинградский исследователь В. Я. Пропп. Более сложно он называл её либо «тридцатиоднофункциональной», либо «семиперсонажной» схемой повествования. Благодаря усилиям В. Я. Проппа эта схема имеет значительную историю исследования, выдвинуты и предположения о характере её генезиса. В рамках пропповской школы проводились также исследования структуры повествования сатирических и бытовых сказок.

Несмотря на многочисленные проведенные исследования, по признаку устойчивой структуры повествования выделяется лишь так называемая «кумулятивная» сказка. Подобная схема исследована гораздо меньше, чем упомянутая выше «волшебная», хотя и она известна собирателям фольклора с момента начала фиксации сказок.

Впервые термин «кумулятивная сказка» был применен Н. П. Андреевым при переводе им на русский язык каталога А. Аарне, где часть таких сказок была осознана как отдельный подтип. Однако первой работой, в которой дана попытка четко определить формулы структуры повествования и предварительно классифицировать подобные сказки, была предпринята в статье В. Я. Проппа «Кумулятивная сказка», изданной в 1976 г.

Основной принцип построения структуры повествования в кумулятивных сказках, как отмечает исследователь, «состоит в каком-либо многократном повторении одних и тех же действий или элементов, пока созданная таким образом цепь не порывается или не расплетается в обратном порядке» [Пропп, 1976. С. 243]. В разных языках такие сказки называются по-разному. В немецком их называют *Kettenmärchen* («цепные сказки»), *Haufungsmärchen* («нагромождающие сказки») или *Zahlmärchen* («перечисляющие сказки»). В английском — *formula-tales*, *cumulative* или *accumulative stories* («кумулятивные сказки»). Во французском — *randonnees* («кружащие вокруг одного места») [Пропп, 1976. С. 243]. В качестве примеров кумулятивной сказки можно указать сказки «Репка» и «Колобок».

Пропп делит подобные сказки на формульные и эпические.

Формульные кумулятивные сказки представляют собой чистую формулу, чистую схему. Они делятся на одинаково оформленные повторяющиеся синтаксические звенья. Такие сказки могут принимать не только прозаическую, но и стихотворную, и песенную формы [Пропп, 1976. С. 243—244].

Эпические кумулятивные сказки также состоят из одинаковых звеньев, но каждое из них может быть синтаксически оформлено по-разному, раскрыто более или менее подробно. Они рассказываются стилем волшебных или других прозаических сказок, или, как назвал это Пропп, — «эпически спокойной» сказки [Пропп, 1976. С. 243—244].

Общая структура кумулятивных сказок состоит из экспозиции, кумуляции и финала.

Экспозиция состоит в основном из какого-нибудь незначительного события или «очень обычной жизненной ситуации» [Пропп, 1976. С. 244]. Пропп не считает эту часть повествования кумулятивной сказки завязкой, которая дает толчок к развитию дейст-

вия в сказке волшебной. По его мнению, события развиваются «не изнутри, а извне» [Пропп, 1976. С. 244], совершенно случайно и неожиданно.

За экспозицией следует цепь (кумуляция). Принципы, по которым эта цепь наращивается, чрезвычайно разнообразны, в отличие от типов синтаксического построения подобной цепи, которых может быть два. Во-первых, звенья кумулятивной цепи могут перечисляться одно за другим, во-вторых, при присоединении каждого нового звена могут повторяться все предыдущие [Пропп, 1976. С. 246—247].

Что касается типов, по которым наращивается кумулятивная цепочка повествования, то Пропп в своей статье предпринял попытку каталогизировать кумулятивные сказки и выявил одиннадцать подобных типов. Эти типы или их ещё можно назвать рядами, следующие: I. Ряд отсылок или насылок [Пропп, 1976. С. 249]; II. Ряд (осуществленных или избегнутых) пожираний [Пропп, 1976. С. 250]; III. Ряд мен или обменов [Пропп, 1976. С. 252]; IV. Напрашиваются в избу или изгоняются из нее (или не пускают в неё) [Пропп, 1976. С. 253]; V. Напрашиваются в сани (телегу, лодку) [Пропп, 1976. С. 254]; VI. Ряд приобретений или наград [Пропп, 1976. С. 254]; VII. Ряд действий неупопад [Пропп, 1976. С. 255]; VIII. Ряд отказов в помощи [Пропп, 1976. С. 255]; IX. Цепляются друг за друга, становятся друг на друга [Пропп, 1976. С. 255]; X. Убиваются о пустяках [Пропп, 1976. С. 256]; XI. Спрашивают, перечисляют, многократно рассказывают и пр. (В сказках данного типа/ряда кумуляция создаётся исключительно диалогами) [Пропп, 1976. С. 257].

В корпусе произведений устного народного творчества монголов также существуют кумулятивные сказки. Тем не менее в большинстве теоретических работ по монгольским и бурятским сказкам этот факт отмечен не был.

В общем корпусе фольклорных сказок монголоязычных народов впервые на кумуляцию обратил внимание Ласло Лёринц при составлении каталога сказок монголоязычных народов, изданного в 1979 г. В этой работе исследователь постарался распределить сюжеты известных ему сказок как по классификации, предложенной А. Аарне, так и по своей собственной, основанной на работах известных монгольских фольклористов Хорлоо и Гаадамбы. Открытие жанра кумулятивных сказок в корпусе устного народного творчества монголоязычных народов можно определить как заслугу Лёринца, хотя сделал он это скорее механически, в той части своего каталога, которая посвящена сличению монгольских сказочных сюжетов с сюжетами каталога сказок Аарне-Томпсона (далее: АТ). Им были обнаружены пять так называемых *Formelmärchen* (по аналогии с английским обозначением кумулятивных сказок в каталоге АТ — *formula-tales*), соответствующих конкретным типам пяти сюжетов из каталога общемировых сказок. С момента опубликования каталога прошло более 30 лет и ряд учёных, в том числе Д. Ёндон, отметили его неполноту. Тем не ме-

нее мы не можем обойти вниманием эту работу, так как она во многом является отправной точкой в исследовании устных сказок монголоязычных народов.

Первым Лёринц выделил вариант сюжета АТ2022, обозначенного как «Смерть петушка». Монгольский вариант, взятый из сборника калмыцких сказок «Медноволосяя девушка», был назван Лёринцем 2022В «Смерть хорошего брата» [Lörlincz, 1979. С. 340]. В каталоге Аарне такого подтипа нет, это как бы «открытие» Лёринца.

Вторым он определил вариант сюжета АТ2028 (который в общемировых каталогах назван «Глиняный паренек»). Лёринц обозначил его как 2028В «Ненасытный мангус». Это записанная Шрёдером и изданная им в 1959 г. монгольская сказка [Lörlincz, 1979. С. 340]. Абсолютно похожего сюжета действительно найти пока не удалось ни в каталоге АТ, ни в его более поздних региональных вариантах, ни в предложенном Проппом каталоге кумулятивных сказок. Тем не менее мы можем отнести его к выделенному Проппом эпическому типу разряда II «Ряд осуществленных или избегнутых пожираний». Ближе всего он как раз к сюжету монгольской сказки «Глиняный паренек», состоящему в следующем: мангус ест корову и наедается настолько, что не может встать. Мальчик разрезает ему живот, выпускает корову и кладёт туда камень такой величины, что мангус не может больше двигаться.

Третий выделенный Лёринцем кумулятивный сюжет относится к XI «пропповскому» разряду «Спрашивают, перечисляют, многократно рассказывают и пр.». Лёринц определил его как представителя сюжета АТ2031 «Силач и ещё более сильный». Монгольский, вернее, калмыцкий вариант, взятый из сборника «Калмыцкие сказки» 1962 г. издания, Лёринц назвал «Сварливый пузырь» [Lörlincz, 1979. С. 340]. Это классический пример кумулятивной сказки, основанной на вопросах. Сюжет её заключается в следующем: сварливый пузырь последовательно задаёт вопросы о том, кто сильнее: Лёд, Солнце, Облако, Ветер, Трава, Собака, Женщина или Мужчина? Человеку это надоедает, и он топчет пузырь.

К этому же разряду относится и четвертый текст, определенный Лёринцем как кумулятивный. Он также характеризует его как неизвестный ранее вариант сюжета АТ2031D и обозначает его как «Всемогущий Будда». Это, по всей видимости, вариант сказки-перечисления. Он был взят из сборника бурятского фольклора [Lörlincz, 1979. С. 340]. Содержание сказки таково: пузырь учит мышь, хвост которой примерз ко льду, что всё в мире зависит от Будды. Лёд тает от солнца, солнце прячется за скалой, и все они, в конечном счёте, зависят от Будды.

Пятая кумулятивная сказка, обнаруженная Лёринцем, оказалась самой распространённой. Лёринц обозначает её как тип АТ2034В «Птичка и Чертополох». Она четырежды была встречена Лёринцем в сборниках монгольских сказок и один раз — в сборнике калмыцких сказок [Lörlincz, 1979. С. 341]. Её сюжет состоит в следующем: воробей получает укол

от камыша и идёт в козе просить, чтобы она съела камыш. Коза отказывается, говоря, что боится волка. Волк отказывается есть козу, потому что боится табунщика, и так продолжается, пока воробей не приходит к ветру. Ветер соглашается, и цепь разворачивается в обратном порядке. В итоге коза съедает камыш.

Кумулятивные сказки были обнаружены Т. Г. Басанговой в калмыцком фольклоре. Она отмечает незначительное число подобных сказок и их принадлежность к детскому фольклору. Принадлежность подобных сказок к фольклору для детей исследователь объясняет тем, что для них характерна напряженность сюжета, эмоциональность и занимательная форма исполнения. Басангова обращает внимание также на то, что в калмыцком фольклоре сохранились «кумуляции» прозаического, песенного и стихотворного характера, сохранились древняя лексика и упоминание мифических персонажей [Басангова, 2002. С. 35]. В подготовленном ею сборнике сказок она не выделяет кумулятивные тексты в отдельный раздел, а объединяет их со сказками о животных.

В качестве примера Басангова приводит сказку «Воробей» [Басангова, 2002. С. 191—192], относящуюся к разделу I пропповской классификации кумулятивных сказок. Этот раздел озаглавлен «Ряд отсылок или насылок». Данная сказка наиболее соответствует типу 2а этого раздела «Мыши нейдут горю брать». Из каталога Лёринца мы узнали, что эта сказка, по всей вероятности, самая распространённая кумулятивная сказка у монголоязычных народов. Описание её сюжета можно найти выше.

Сказка «Человеческое счастье» [Басангова, 2002. С. 192—193] относится к разряду III классификации кумулятивных сказок В. Я. Проппа — «Ряд мен или обменов». Сюжет её таков: человек получает от хана ягненка в награду за правильные ответы на вопросы. Ягненка он меняет на собаку, собаку — на рукавицы из собачьей шерсти, рукавицы — на пустой котел. Сказка снабжена дидактическим финалом.

«Сказка о жадном волке» [Басангова, 2002. С. 197—198] относится ко II разделу пропповской классификации — «Ряд осуществленных или избегнутых пожираний». Более точно её можно определить как разряд II тип 7 — «Пение волка» (вариант сюжета 162 из каталога Андреева). Вот о чём она повествует: волк каждую ночь приходит к юрте и воет. Ему последовательно отдают на съедение собаку, коз, дочерей, пока он не съедает всех.

И последняя кумулятивная сказка, обнаруженная нами в разделе «Сказки о животных и кумулятивные сказки» сборника Т. Г. Басанговой, это сказка «Человек — силач» [Басангова, 2002. С. 198]. По классификации Проппа она относится к XI разделу. Это типичная «вопросная» сказка, главный вопрос в которой — «Кто сильнее?». Мы можем предположить, что приведенный Лёринцом сюжет АТ2031 «Силач и ещё более сильный» и записанная Басанговой сказка — варианты одного и того же произведения. Краткий пересказ сказки таков: овечья селезенка

прилипает ко льду. На вопрос старика о том, почему она прилипла, та отвечает, что лёд сильнее. Лёд отвечает, что сильнее его — солнце. Солнце отвечает, что сильнее его — горы. Горы отвечают, что сильнее человек.

Отдельного рассмотрения потребует сказка «Старик со старухой и петух» [Басангова, 2002. С. 193—195], в которой, по всей вероятности, кумуляция раздела «Ряд осуществленных и избегнутых пожираний» является элементом, встроенным в сказку другой структуры. Такие явления отмечались ещё Проппом. Сюжет сказки заключается в следующем: петух избегает съедения стариком и старухой, пообещав заработать для них денег. Петух по пути последовательно проглатывает зайца, лису и волка. Попадает в курятник богача, где выпускает лису, а та убивает всех кур. Богач бросает петуха к овцам, выпущенный волк убивает всех овец. Богач пытается утопить петуха в колодце, но тот выпивает в нём всю воду. Богач пытается зажарить петуха, но тот выпитой водой тушит огонь в очаге. Богач запирает петуха в сундук с драгоценностями, но петух выпускает мышь, и та помогает ему уйти с мешком золота к старику и старухе.

Можно указать ещё на две сказки из сборника Басанговой, которые имеют кумулятивные элементы как часть своей структуры. Это «Сказка о трусливом зайце» [Басангова, 2002. С. 183—184] и «Свирепый лев» [Басангова, 2002. С. 187—188]. В обеих троекратная нарастающая отсылка персонажей играет не главную, но значительную роль. Вкратце сюжет обеих сказок можно передать так: заяц пугается чего-то в луже/колодце и убегает. К нему последовательно присоединяются разные животные. Последним присоединяется лев, который решает посмотреть, что напугало зайца, и успокаивает всех тем, что объясняет причину страха — прыгает на отражение в колодце и тонет.

Ещё несколько кумулятивных сказок были обнаружены нами в сборнике монгольских народных сказок, составленном Д. Цэрэнсодномом в 1982 г. Чёткий тип кумуляции по классификации Проппа можно определить у двух из них.

Первая, озаглавленная «Глупый волк», относится к разряду II «Ряд (осуществленных или избегнутых) пожираний», типу 6 общего каталога кумулятивных сказок. И Пропп и Аарне называли этот сюжет «Волк-дурень» (АТ122). Цэрэнсодном относит её к сказкам о животных. В ней повествуется о следующем: волк находит на дороге колбасу, та посылает его к кобылице, кобылица лягает его и волк находит телёнка, телёнок привозит его на своей спине к людям.

Монгольский вариант сюжета АТ122 упомянут и в каталоге Лёринца [Lörcincz, 1979. С. 222], где указаны два варианта персонажей — волк и лиса [Lörcincz, 1979. С. 33]. Сам составитель не определил его как кумулятивную сказку, а отнес, по своей классификации, к разделу «Животные, посягающие на жизнь других» сказок о животных.

Нами был обнаружен бурятский вариант этой сказки, записанный в сентябре 1946 г. в с. Шунта

Боханского района Иркутской области и опубликованный в обработке В. Бояринова в 1990 г. [БНС, 1990. С. 354—357]. Бурятский сюжет более пространен, нежели описанный выше монгольский. Вот его краткий пересказ: волк решает съесть застрявшего в грязи жеребенка. Жеребенок хитростью заставляет волка вытащить его и убегает. Волк встречает телёнка. Телёнок везет его на себе в айл к пастухам. От пастухов волк убегает к свиньям, но свиньи оглушают его до прихода пастухов. Убегая от пастухов, волк пытается съесть собаку, которая заманивает его в капкан, поставленный охотниками.

Вторая сказка озаглавлена «Семидесятилетний старик». В ней, как и в упомянутой выше сказке, весь сюжет строится на классической схеме кумуляции. В каталоге Проппа эта схема обозначена в разделе I «Ряд отсылок или насылок», однако более точной параллели данному сюжету в каталоге найти не удалось. Сам Цэрэнсодном относит ее к сатирическим бытовым сказкам. Сюжет сказки таков: к старику приходит мангус, чтобы съесть скот старика или его самого. Старик предлагает на съедение себя, но отправляет мангуса за волшебным ножом, который может разрезать живот старика. Владелец ножа посылает мангуса за волшебным точилом, владелец волшебного точила — за волшебной одноколкой, владелец одноколки — за волшебным жеребенком, владелец жеребенка — за волшебной ургой. Владелец урги говорит, что она находится на другом берегу внешнего моря, и при попытке переплыть море мангус тонет.

Нами был обнаружен также бурятский вариант этой сказки [БНС, 1990. С. 108—110], озаглавленный «Сказка о жирном Замае и мангатхае». Он, как и в случае с предыдущим сюжетом, идентичен монгольскому по схеме, но отличается в деталях: мангатхай решает съесть жирного Замай-таргана. Тот посылает его за ножом к своему брату. Владелец ножа посылает его за точильным бруском. Владелец бруска отправляет мангатхая за сивым быком, чтобы увести брусок. Владелец быка посылает мангатхая за море, где пасется его бык. В море мангатхай тонет.

Отдельного рассмотрения в дальнейшем заслуживает сказка «Небывалый старик Боролзой», которую Цэрэнсодном определил в разряд волшебных и богатырских сказок. В ней мы наблюдаем сразу два типа кумуляции: из раздела I и из раздела XI. Причём вторая кумуляция является как бы раскрытием первой. В первой части героя постоянно атакуют с каждым разом все более сильные враги. Однако ему благодаря его способностям всегда удается победить противника. Во второй части разворачивается диалог между героем и Хурмаст-ханом. Этот диалог строится на обвинениях и их опровержении. В этой кумуляции герой каждый раз опровергает обвинения при помощи хитрости.

Литература

Аникин В. П. Теория фольклора. М., 2004.

Нам удалось выявить бурятский вариант и для этой сказки. Текст «Старик Хоредой» был записан и опубликован в 1889 г. М. Н. Хангаловым у балаганских бурят Иркутской области. Он отличается от монгольского в ряде деталей. Например, вместо Хормусты в нем фигурирует Эсэгэ-малан [БНС, 1990. С. 65—66]. Действия персонажей остаются неизменными.

Из рассмотренных нами восемнадцати текстов сказок тринадцать мы можем без сомнений разместить среди разделов каталога Проппа. К первому разделу относятся четыре сказки: «Воробей» и «Птичка и чертополох» (варианты одной и той же сказки на сюжет 2а кумулятивного каталога «Мыши нейдут горох брать»); «Смерть хорошего брата» (вариант сюжета 1 «Смерть петушка» того же каталога) и сказка «Семидесятилетний старик», более четкий вариант которой в мировых каталогах найти пока не удалось. К разделу II «Ряд (осуществленных и избегнутых) пожираний» относятся «Ненасытный Мангас» (вариант сюжета 4 «Глиняный паренек»), «Глупый волк» (вариант сюжета 6 «Волк-дурень») и «Сказка о жадном волке» (вариант сюжета 7 «Пение волка»). К разделу III «Ряд мен или обменов» нам удалось найти лишь одну сказку — «Человеческое счастье». Три сказки — «Человек-силач», «Сварливый пузырь» и «Всемогущий Будда» относятся к разделу XI. Они построены на цепи вопросов.

Ещё четыре сказки — «Старик со старухой и петух», «Сказка о трусливом зайце», «Свиристый лев» и «Небывалый старик Боролзой» не отнесены нами к какому-то конкретному разделу каталога Проппа. Роль кумуляции в них требует отдельного дальнейшего рассмотрения.

Все обнаруженные Лёриным, Басанговой и нами кумулятивные сказки соответствуют первому типу присоединения кумулятивных звеньев, т. е. — одно за другим. Текстов, в которых при присоединении нового звена повторялись бы все предыдущие, нам пока обнаружить не удалось.

Наличие кумуляции в монгольской народной сказке до сих пор не было должным образом отражено в научной монголоведной литературе. Тем не менее нам удалось доказать, что кумуляция представлена в рассматриваемом жанре фольклора монголов и калмыков достаточно широко. Нами также было доказано, что для изучения этого явления могут быть применены методы и подходы, предложенные известным отечественным сказковедом — структуралистом В. Я. Проппом. Помимо выявленных им кумулятивных структур сказочного повествования в ряде сказок монголоязычных народов мы обнаружили кумуляцию как один из элементов сюжета. Подобные структуры, которые можно назвать самобытными монгольскими кумулятивными сказками, требуют дальнейшего, более пристального рассмотрения фольклористами-монголоведами.

Бурятские народные сказки. М., 1990.

Ведерникова Н. М. Русская народная сказка. М., 1975.
Веселовский А. Н. Поэтика. Т. II, вып. 1. СПб., 1913.
Волков Р. М. Сказка. Т. I. Одесса, 1924.
Никифоров А. И. Сказочные материалы Заонежья. Л., 1927.
Пронн В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976.

Пронн В. Я. Морфология волшебной сказки. М., 2005.
 Сандаловый ларец / Сост. и пер. Т. Г. Басанговой. Элиста, 2002.
 Монгол ардын үлгэр (Д. Цэрэнсодном эмхтгэв). Уб., 1982.
Aarne A. Verzeichnis der Märchentypen. FFC № 3. Helsinki, 1911.
Lörincz Laszlo. Mongolische Märchentypen. Budapest, 1979.

Приложения

25. Глупый волк (*Тэнэг чөнө*)^{*}

Давным-давно шел один Волк по дороге. На той дороге лежала Колбаса. Волк увидел ее и захотел съесть, но Колбаса сказала:

— Волк, не ешь меня. На севере в грязи валяется Кобылица. Может, лучше пойдешь туда и съешь ее?

Волк поддался уговорам Колбасы, и когда отправился в то место, куда указала Колбаса, то действительно увидел, что в грязи валялась толстая молодая Кобылица. Он решил ее съесть, но Лошадь сказала:

— Господин Волк, если вы собираетесь меня съесть, то сначала вытащите меня из пыли, а потом и ешьте.

Он стряхнул с Лошади пыль, как она и просила, но та опять произнесла:

— Не стоит есть меня такую грязную, сначала почистите меня от грязи, а потом и ешьте.

Волк облизал ее своим языком, как она его и просила. Тогда она снова сказала:

— У меня на копыте задней ноги записка. Прочтите ее мне и съешьте меня.

И как только Волк оглянулся, чтобы прочитать, что написано на копыте, Лошадь ударила его ногой по затылку и ускакала. Волк упал без сознания.

Когда же он пришел в себя, то Кобылицы уже и след простыл. Так он шел, обнюхивая каждый куст и шатаясь, от бугорка к бугорку, но, к счастью, на одном перевале он встретил двухгодовалого Теленка. Волк пошел к Теленку, чтобы съесть его, но тот отвел ему:

— Если Вы будете употреблять меня в пищу здесь, на перевале, то увидят люди. Заведите меня в овраг и там ешьте. Господин Волк, Вы устали, садитесь мне на спину и ежайте.

Волк взобрался на Теленка, голова его склонилась, и он заснул, так говорят. Так Волк ехал с закрытыми глазами. Теленок и привез Волка к одному айлу. Тамошние люди выбежали из айла и наперебой стали гнать Волка. Только и осталось ему поплакать.

51. Небывалый старик Боролзой (*Болдоггүй Боролзой өвгөн*)

Давным-давно жил-был один старик по имени Небывалый старик Боролзой. И было, говорят, у этого старика семь серых овец, летучий серый конь и нелетучий серый конь. Небывалый старик Боролзой

жил в лачуге на серой вершине горы Болзоот. На серой вершине Болзоот он пас семь своих овец. Летучего серого коня он привязывал справа от своей юрты, нелетучего серого коня он привязывал слева от своей юрты.

Небывалый старик Боролзой решил принести жертву: «Пусть у моей янтарно-серой овцы родится белоснежно-белый ягненок. Я принесу его в жертву Хурмаст-тэнгрию». Стало так. Когда у янтарно-серой овцы родился белоснежно-белый жеребенок, старик обрадовался, что поднесет его Хурмаст-тэнгрию. Когда он привязал теленка на привязь и возвращался с ним из степи, прилетел ворон Хурмаст-тэнгрия и выколол теленку глаза, так говорят. Небывалый старик Боролзой разозлился, оседлал своего летучего серого коня, полетел, схватил ворона за клюв и вставил ему деревянный клюв.

Тогда Хурмаст-тэнгри разозлился на то, что его ворону заменили клюв, и послал двух своих волков, чтобы те съели летучего серого коня. Узнал об этом Небывалый старик Боролзой и перевязал своих коней — летучего серого коня на левую сторону, а нелетучего — на правую. Пришли два волка Хурмаст-хана, съели нелетучего серого коня и убежали. Небывалый старик Боролзой оседлал своего летучего коня, отправился за ними в погоню и натянул двум волкам на морды шкуру так, что она свисала. Тогда Хурмаст-хан послал двух своих демонов — с обезьяньей головой и с оленьей головой — убить Небывалого старика Боролзоя. Когда два демона пришли, то Небывалый старик Боролзой варил в котле потроха скота. Двое демонов подошли, и когда посмотрели через дыру в стене, то им окропили лица горячими потрохами и они убежали, ошпаренные. Хурмаст-хан разозлился и отправил двух своих драконов, чтобы убить Небывалого старика Боролзоя. Небывалый старик Боролзой узнал об этом, и когда он пас своих овец на серой вершине Болзоот, то надел серую доху на березовый шест, поставил пугало и внезапно удалился в другое место. Два дракона превратили серую вершину Болзоот в пепел. Небывалый старик Боролзой оседлал своего серого летучего коня, погнался за ними и отрубил хвосты двум драконам.

Хурмаст-хан рассвирепел. «Арестуйте Небывалого старика Боролзоя!» — передал он через послов, и старик явился на зов хана. Хан спросил его:

— Ты почему поменял костяной клюв моего ворона на деревянный клюв?

— Если у моей янтарно-серой овцы родится белоснежно-белый ягненок, то принесу его в жертву Хурмаст-тэнгрию, так я думал. И когда у моей ян-

^{*} В данном разделе приведены выполненные автором переводы монгольских кумулятивных сказок из сборника Д. Цэрэнсоднома «Монгол ардын үлгэр». В названиях сохранена порядковая нумерация, отражающая расположение текстов в сборнике.

тарно-серой овцы родился белоснежно-белый ягненок, то, в то время как я радовался, что преподнесу его Хурмаст-тэнгрию, прилетел ворон и выколол ему оба глаза. Поэтому я, рассвирепев, забрал клюв ворона.

— Правда твоя. Но зачем ты натянул моим двум волкам шкуру на морды? — спросил его Хурмаст.

— Вы велели съесть моего летучего серого коня? Или же велели съесть моего нелетучего серого коня? — спросил старик у Хормусты.

— Я отправлял их с приказом съесть летучего серого коня!

— Но эти два волка съели моего нелетучего серого коня и я, рассвирепев, натянул им шкуры на морды.

— Тогда правда твоя. Но зачем ты ошпарил лица двум моим демонам?

— Вы приказывали извести Небывалого старика Боролзоя? Или же приказывали дыривать его серый шалаш?

— Я отправлял их с приказом извести Небывалого старика Боролзоя!

— Но когда они вместо того чтобы извести Небывалого старика Боролзоя, стали дыривать мою хижину, то я разозлился и ошпарил им лица.

— Но, старик, зачем ты отрубил хвосты моим двум драконам? — спросил его Хурмаст тэнгри.

— Их посылали извести Небывалого старика Боролзоя? Или испепелить серую вершину Болзоот? — спросил старик.

— Их посылали извести Небывалого старика Боролзоя!

— Тогда они, вместо того чтобы извести небывалого старика Боролзоя, превратили в уголь серую вершину Болзоот, вот я и отрубил им хвосты.

— Тогда правда твоя, — сказал Хурмаст-хаган.

Так Небывалый старик Боролзой зажил счастливо со своими семью овцами и серым летучим конем.

93. Семидесятилетний старик (*Далантай өвгөн*)

Остановился как-то Семидесятилетний старик, у которого были семьдесят красных коров и бык с

кривыми рогами, на водопой, чтобы напоить своих семьдесят коров. Но вдруг, говорят, пришел пятнадцатиголовый мангас-костолом и спросил: «Любишь ли ты своих семьдесят коров, любишь ли ты своего быка с кривыми рогами или же ты любишь свое брюхо с семьюдесятью складками?» Семидесятилетний старик ответил:

— Я люблю своих семьдесят коров и своего криворого быка, так что ешь мое брюхо с семьюдесятью складками. Но мое брюхо в семьдесят складок может взять только бритва Тонтий гуая.

Мангас отправился к Тонтий гуаю и сказал:

— Дай мне свою бритву.

— Мою бритву нельзя наточить ничем, кроме точильного камня Бинтий гуая, — сказал Тонтий гуай.

Мангас отправился к Бинтий гуаю и сказал:

— Дай мне свой точильный камень.

— Мой точильный камень нельзя увезти ни на чем, кроме одноколки Хантий гуая.

Мангас отправился к Хантий гуаю и сказал:

— Хантий гуай, дай мне свою одноколку.

— Мою одноколку не может увезти никто, кроме большого белого жеребенка Тантий гуая, — сказал Хантий гуай.

Мангас отправился к Тантий гуаю и сказал:

— Тантий гуай, дай мне своего большого белого жеребенка.

— Моего жеребенка не поймать ничем, кроме длинной урги Унтий гуая, — сказал Тантий гуай.

Мангас отправился к нему и сказал:

— Унтий гуай, дай мне свою длинную ургу.

— Моя длинная Урга находится на дальнем берегу внешнего моря, — сказал Унтий гуай.

— Как туда попасть? — спросил мангас.

— Привяжи к шее большой камень и иди по воде, — сказал Унтий гуай.

Мангас поступил таким образом и, пойдя по океану, умер. Все они были братьями Семидесятилетнего старика и, вместе победив врага, зажили <они> счастливо.

D. A. Nosov

The Mongolian folk cumulative-type tale

The author traces the history of studying cumulative-type tales in Europe and for the first time analyzes the composition and structure of the Mongolian cumulative tale. Cumulation is proved to be one of the elements of a fairy tale.

Key words: The Mongolian national fairy tale, cumulative, folklore, structure, composition, the character, a plot.